
2012 – ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

РОССИЯ: АЗИЯ ИЛИ ЕВРОПА? ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ В ПОИСКАХ ОБРЕТЕНИЯ СМЫСЛА

С.А. Воронин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена поиску самоидентичности российской государственности. Автор размышляет о соотношении понятий «деспотизм» и «демократия» в исторической ретроспективе и сегодня, пытается ответить на вопрос, с какой политической моделью – западной или восточной – отождествляет свое будущее Российская Федерация.

Ключевые слова: Россия, восточный деспотизм, демократия, Азия, политарх.

Как мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться.

А.И. Герцен

Если ваша элита хранит у нас 500 млрд дол., то вы еще разберитесь, это ваша элита или уже наша.

З. Бжезинский

Парадигма российской государственности вот уже не одно столетие блуждает в лабиринте политических систем и цивилизационных моделей в поисках обретения смысла, пути развития, пытаясь выявить устойчивые ориентиры, определить демаркационные линии цивилизационных разломов. Россия то бросается в объятия западников, то братается со славянофилами, оставаясь государством с непонятным будущим и непредсказуемым прошлым.

Если пользоваться терминологией А.Дж. Тойнби, то в начале 90-х гг. XX в. в России спало «напряжение границы» и «платой за свободу стала

опасная потеря равновесия» (1). Развернулись дискуссии, всколыхнувшие гражданское и научное общество, о том, какое будущее нас ожидает, каково соотношение формационного и цивилизационного в методологии познания истории. Снова обрели актуальность извечные российские вопросы: Кто виноват? Что делать? Хотя логичнее было бы задаться вопросом: Куда идти? Какова конечная цель пути? В чем самобытность нашей национальной идеи и в чем, наконец, заключается русская национальная идея, которая должна стать скрепом нашего народа и российской государственности.

1990-е и 2000-е гг. принято называть «переходным периодом». Это выражение давно уже стало фигурой речи и употребляется столь часто и бездумно, что потеряло смысл. Однако в этой фразе сокрыт большой смысл. Если период переходный, то это переход от чего к чему? От коммунизма к капитализму? От периферии к центру или наоборот? От традиционного общества к современному? От православия к протестантской этике? От национального государства к своему месту в глобальном мире (бензоколонке Европы как варианту). Вопросов много, но очевидно одно обстоятельство. Как справедливо отмечает С.Г. Кара-Мурза: «Сегодня мы застряли в пространстве между двумя разными типами государства и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет манипуляция сознанием» (2), информационно-психологические войны, уже наглядно проявившиеся в Арабской весне 2011 г.

В начале 1990-х гг. обществоведы с садомазохистским удовольствием приступили к самобичеванию, подключив к процессу самоистязания все общество. Россия проклинала прошлое, забыв о предостережении Ф.М. Достоевского, прозвучавшего в «Бесах»: «Кто проклянет прошлое, тот уже и наш». Мы отказывались от самих себя, от своих традиций и ценностей, забыв о долге, морали, патриотизме, чести и достоинстве. Мы, наконец-то, порывали с проклятой деспотией, азиатчиной и вступали в ряды цивилизованного человечества, т.е. Запада, который призывно манил россиян обществом потребления, массовой культурой, джинсами, жевательной резинкой, вседозволенностью и одновременно правами человека. Демократы, пришедшие к власти в постсоветской России, выдвинули задачу добиваться «превращения России из больного гиганта Евразии в члена западной зоны сопроцветания», «учиться у передового клуба как жить цивилизованным образом, в частности при прямом участии на всех этапах западных экспертов подготовить и осуществить совместные программы реформ в сферах экономики, безопасности и конверсии» (3).

Россия хотела стать частью Запада, она как перезрелая девица на выданье просила, умоляла, вопила: «Возьмите меня! Ну, возьмите!». И Запад иногда, снисходительно улыбаясь, пользовал ее недра, черпая в ее кладовых нефть, газ и другие полезные ископаемые. Пользовал, но никогда не брал замуж. И всеми силами и методами насаждал «ценности» либеральной демократии. От порнографии до пропаганды однополых браков.

За двадцать лет родилось и выросло новое поколение, генерация с совершенно новым культурно-историческим кодом, ставшая продуктом глобального мира. Это – то поколение, которое, позабыв о былых заслугах своих национальных лидеров, позарившись на западные глянцевые картинки «Twitter» и «Facebook», растоптав традиционность и веру, снесло политические режимы Бен Али в Тунисе, Мубарака в Египте, Салеха в Йемене, растерзало Каддафи в Ливии. И как здесь снова не вспомнить слова Тойнби: «Может ли кто-либо заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть поглощенным ею целиком и полностью» (4).

Преодоление «переходного периода», таким образом, состоит, прежде всего, в том, чтобы обрести культурную идентичность, овладеть новой ситуацией в духовном пространстве и «восстановить присущее нашей культуре координаты для ориентации в вопросах Добра и Зла» (5). Необходимо снять розовые очки, снять западнцентричные шоры. Словом, вместо того, чтобы бесконечно теоретизировать, необходимо взять и измерить гипотенузу и катеты десятка треугольников российской социально-экономической системы и вывести, сформулировать эмпирическое правило.

В начале 90-х гг., пожалуй, наиболее резонансными и обсуждаемыми стали две концепции, выдвинутые известными американскими учеными Ф. Фукуямой и С. Хантингтоном. Распад, саморазрушение СССР убедил Запад в силе и прогрессивности его идеологии. Ведь СССР не проиграл в войне, горячей схватке, а «развалился» именно в силу, как утверждали на Западе, ущербности и бесперспективности своей идеологии. Как обоснование «нового мирового порядка» и возникла концепция Фукуямы о «конце истории», т.е. об абсолютном торжестве западной либеральной демократии. Ф. Фукуяма не был первым, и наверняка не будет последним апологетом истории. Когда-то Гегель видел политический идеал, совершенство в прусской авторитарной монархии, называя ее венцом исторического развития.

Однако Фукуяма, увлекшись теоретизированием, как-то не заметил главное диалектическое противоречие своей научной гипотезы. Конец истории – это ее смерть, а сущность исторического процесса – движение, жизнь во всем многообразии, не поддающаяся тотальному контролю и абсолютному прогнозированию. Эволюция российской политической системы последнего десятилетия и поиски РФ своего места и роли в международных отношениях убедительно свидетельствуют о том, что Фукуяма явно поторопился с прогнозом. Его взгляды навряд ли приведут человечество к светлому будущему. «Если слепой ведет слепого, то они оба упадут в яму» (Матфей. XV. 14).

Контраргументом теоретизированиям Ф. Фукуямы стала концепция С. Хантингтона, который, напротив, усмотрел в постбиполярном мире новые вызовы и угрозы. Столкновение цивилизаций, основной водораздел между которыми проходит по линии евроатлантической цивилизации и остального мира, по прогнозу Хантингтона, неизбежно, ибо цивилизационный экспансионизм Запада обернулся против него самого. Обретают силу и

мощь исламская и православная цивилизации, все настойчивее заявляющие о себе. С. Хантингтон подчеркивает: «С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к своим собственным корням. Все чаще приходится слышать о “возврате в Азию” Японии, о конце влияния идей Неру и “индуизации” Ближнего Востока, а в последние годы и споры о вестернизации или русификации новой России. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик» (6).

Итак, вопрос о поиске и обретении себя в мире для России сводится к формулировке пресловутого эмпирического правила. Опыт погружения в западноцентричную модель результата не дал, зато дал опыт и понимание его неэффективности при внедрении на российской почве, хотя российский политический истеблишмент и бизнес-элита все еще заражены вирусом западофилии, американозависимости.

Азиатчину, тиранию и деспотизм российское общество решительно отвергает.

Так с какой же политической системой Запада или Востока ассоциирует себя гордый двуглавый орел российской государственности, внимательно вглядывающийся и на Восток, и на Запад? Что нам стоит заимствовать и перенимать у Запада и Востока, каков цивилизационный фундамент для обретения самоидентичности? Так ли страшен азиатский деспотизм? Может быть, мы снова оказываемся в плену стереотипов, ложных представлений, становимся игрушкой в руках манипуляторов сознанием, громогласно разделяющих мир на цивилизацию Запада, основанную на священной частной собственности и правах человека, либеральной демократии, и традиционно дикого средневекового отсталого Востока, представленного режимами-изгоями Ирана, Сирии, коммунистическо-капиталистического Китая и др.

Испытываю надежду, что рациональный анализ позволит выявить сухой остаток, а российское общество вместо восторгов и умиления западноцентричностью и проклятий, посылаемых в адрес азиатчины, наконец-то придет к объективной оценке политических систем Запада и Востока, а вопрос выбора пути развития станет значительно более ясным, если мы попробуем разобратся в дефинициях, уточнить смысл смыслов.

Задача амбициозная, но достижимая. Попробуем приблизиться к ее решению.

Проблема общественного строя стран Востока неразрывно связана с методологической концепцией «Азиатского способа производства», или азиатского деспотизма, которая и является «ключом к восточному небу» (7). Суть ее сводится к отсутствию на Востоке частной собственности, господстве сельской общины и безраздельной политической деспотии. Наша задача заключается в том, чтобы на конкретном историческом материале предельно лаконично (что обусловлено самим жанром статьи) показать, как осуществ-

лялась индокринация понятия «восточный деспотизм» в европейской историографии, и выявить корректность сопряжения понятия «деспотия» с определением «азиатская» или «восточная». При анализе необходимо учитывать, что название режимов является лишь символом, а их самоидентификация намного сложнее. Следовательно, необходимо снятие идеологических смысловых нагрузок и многомерное, многослойное изучение деспотизма как политического явления.

Несмотря на заслуги и лавры Ф. Бернье – французского философа, врача и путешественника, который в своей книге «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола» отметил главную специфическую черту социально-экономического строя стран Востока – отсутствие частной собственности на землю, первый шаг в этом направлении был сделан за несколько десятилетий до него Томасом Ро, бывшим в 1615–1619 гг. британским послом при дворе Великого Могола Джахангира и первым подметившим эту особенность на Востоке. Ро писал: «Он (король) наследует каждому подданному после смерти» (8).

Линия исследований Ро, Бернье была продолжена в трудах братьев Паттонов, Р. Джонса, Т. Раффлза, К.А. Виттфогеля, К. Маркса и Ф. Энгельса.

Понятие «азиатского способа производства», выдвинутое и сформулированное Марксом и Энгельсом, действительно позволило выявить и понять специфику общественного строя Востока, однако не вписывалось в стройную пятичленную картину теории общественно-экономической формации. Более того, возможно, Маркс оказался в теоретической ловушке, поскольку во всех своих трудах Маркс и Энгельс исходили из постулата о том, что основой эксплуатации является частная собственность на средства производства, а в странах с господством аграрного сектора – частная собственность на землю. Отсюда следовал убийственно логичный вывод, что в обществе, где не было частной собственности на средства производства (т.е. на Востоке), не могло быть ни эксплуатации, ни классов. Следовательно, такое общество вполне соответствовало критериям коммунистического. Но эксплуатация человека человеком, вплоть до права распоряжения жизнью граждан, была на Востоке, деспотия как форма политического устройства тоже.

Таким образом, необходимо было либо объявить восточные деспотии коммунистическими, либо неизбежно придти к еще более парадоксальному выводу: отсутствие частной собственности и классов неминуемо ведет при коммунизме к установлению деспотической власти. Как полагает К.А. Виттфогель, Маркс, ужаснувшись такому открытию, отказался от употребления термина АСП, надолго спровоцировав тем самым научную дискуссию по вопросу АСП.

Многочисленные дискуссии 30-х, 50–60-х, 90-х гг. XX в., по сути, ничего нового не дали и ясных результатов не внесли. Однако сама теоретическая база позволила советскому и российскому историку Ю.А. Семенову сгенерировать, по моему мнению, прорывную и, к сожалению, не известную широкой общест-

венности концепцию «политарного способа производства», весьма применимую к России. На основные выводы этого выдающегося историка-теоретика автор и позволит себе полагаться при написании данного раздела статьи.

Ю.И. Семенов ввел в научный оборот понятие «общеклассовой частной собственности», базирующейся на иерархически организованной корпорации верховных собственников, состоящих из низших собственников, более высоких верховных советников и, наконец, наивысшего собственника. Такая частная собственность названа им «персонально-корпоративной» и проиллюстрирована на примере западноевропейского феодализма и возникновении абсолютизма в Западной Европе (рядовые дворяне – бароны, графы, герцоги – король). Группой, владеющей средствами производства (работниками) и использующей их для безвозмездного присвоения продукта их труда, может выступать класс эксплуататоров в целом.

В этом случае средствами производства владеют все члены господствующего класса вместе взятые, но – ни один из них в отдельности. Это и есть общественная частная собственность, которая всегда приобретает форму государственной собственности. По мнению Ю.И. Семенова, именно такая форма собственности и лежит в основе АСП (9).

Следовательно, «азиатский способ производства» вовсе не является азиатским, а присущ определенному этапу всемирной истории развития обществ и Востока, и Запада. Не случайно, после возвращения Бернье из Индии и публикации его трудов Людовик XIV проявил повышенный интерес к социально-экономическому устройству империи Великих Моголов и задумался вопросом, а не внедрить ли эту систему во Франции, закрепив де-юре сложившиеся де-факто отношения собственности, и объявить французского абсолютного монарха верховным собственником земли. Ужаснувшись этому намерению, Ф. Бернье в «Записке к Кольберу» постарался показать неприемлемость такого подхода.

Определение «азиатский» сформировалось и в связи с тем, что европейцы при изучении социально-экономических отношений на Востоке столкнулись с теоретически непривычной для них формой собственности, но, как ни парадоксально, практически существовавшей при позднем феодализме и абсолютизме в самой Западной Европе. Двойные стандарты, субъективизм и самодовольный европоцентризм не позволили европейским исследователям провести объективный анализ и привели к тому, что эти отношения получили клишированное определение азиатских и деспотических. Дескать, подобные отношения могут существовать только при поголовном рабстве на деспотическом авторитарном Востоке и абсолютно неприемлемы на Западе.

Этот способ производства, отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического, существовал, таким образом, не только в Азии, но, по мнению К.А. Виттфогеля и Ю.И. Семенова, в Европе, Африке, доколумбовой Америке, в царской и советской России. Именно поэтому методологически неправомерно именовать его «азиатским». Ю.И. Семенов предла-

гает назвать его «политарным» (от греч. полития – государство) или политаризмом, верховного правителя – политархом. Причем политарх был не собственником, а верховным распорядителем общеклассовой частной собственности личностей и имущества всех подданных. Спутником политаризма всегда выступал массовый террор, носящий систематический характер, суть которого заключалась не в наказании виновных, а в создании и поддержании атмосферы всеобщего страха. По отношению к политарху все его подданные выступали в качестве рабов (10).

Политаристы должны были кормиться исключительно из рук политарха. Независимых источников дохода у них в идеале не должно было быть. Появление таких ослабляло иерархические связи. Неопределенность и неустойчивость положения политаристов была важнейшей особенностью системы.

От политарха полностью зависел и объем получаемой политаристами прибыли. Теряя должность, политаристы лишались средств к существованию. Отсюда стремление обзавестись собственным персональным имуществом (недвижимостью, иными активами). С целью обогащения политаристы втайне от центра предпринимали попытки увеличить размеры собираемого налога и присвоить излишек. Помимо этого политаристы оказывали протекционизм купцам, предпринимателям, используя свое служебное положение, естественно, не безвозмездно.

Результатом функционирования политарных систем становилось их закрытие, прекращение социальной мобильности, устранение социальных лифтов. Именно подобная эволюция, сигнализирующая об упадке системы, характерна для поздней Османской империи, которая до XVII в. была образцом социальной гибкости и предоставляла возможность даже рабам достигать вершин в политической системе.

Политаризм существовал не только на Древнем Востоке. В I в. до н.э. – I в. н.э. в ходе длительной эволюции Рим перешел от республики к империи. Становление политаризма сопровождалось массовым террором Луция Корнелия Суллы, Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Формирование и развитие политаризма нашло свое выражение в смене принципата доминатом – единодержавием.

Политарный способ производства сформировался в Западной Европе в конце средневековья – в начале Нового времени. Централизованные государства, обязанные своим появлением национальным рынкам, возникли в форме абсолютных монархий. Становление абсолютизма сопровождалось волной террора, захлестнувшего с XVI в. всю Западную Европу. «Костры инквизиции пылали ярче всего не в темной ночи средневековья, а на заре Нового времени, что всегда поражало историков», – отмечает Ю.И. Семенов (11). Ж. Делюмо писал: «В Европе начала Нового времени повсюду царил страх... различные формы демонического наваждения помогали укреплению абсолютизма» (12).

Инквизиция была важнейшим орудием террора становления абсолютистской монархии, которая распоряжалась и имуществом, и жизнью подданных.

Ф. Минье отмечал, характеризуя французский абсолютизм: «Корона распорядилась совершенно свободно личностью – при помощи бланковых приказов об аресте; собственностью – при помощи конфискаций, доходами – при помощи налогов» (13). Это ли не «азиатчина» европейского абсолютизма?!

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с концепцией А.Л. Янова, который разграничивает азиатские деспотии с неограниченной властью монарха и абсолютные монархии Западной Европы, в которых власть монарха ограничена влиянием аристократии, что и послужило, по мнению А.Л. Янова, «матрицей демократического развития Запада» (14).

Политарный способ производства сложился и в России XV–XVI вв. Истоки процесс берет при Иване III Великом, явно проявляется при Василии III, окончательно завершается при Иване IV Грозном. «Опричный террор, – по мнению Ю.И. Семенова, – был вовсе не результатом плохого характера или психического заболевания этого монарха» (15). Этих действий требовал утверждающийся политаризм. Иван IV лаконично и емко сформулировал основное право политарха: «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же...» (16). Хотелось бы напомнить, что Генрих VII в конце XV в. устроил в Англии такую бойню лордов, что опричный террор не идет с ним ни в какое сравнение – он вырезал подчистую все английские феодальные рода норманнского происхождения. И это тоже было следствием зарождения политаризма.

Как же шел процесс генезиса и развития политаризма на Руси? Жанр статьи позволяет лишь обрисовать контуры формирования этого явления, пунктиром обозначить реперные точки этого сложного и многомерного процесса.

Покорение Руси монголами в XIII в. оказало значительное воздействие на политическую систему и социально-экономический строй древнерусского государства. По моему мнению, это воздействие вполне сопоставимо с влиянием политической культуры Арабского халифата на государства Иберийского полуострова, влияние Османской империи на менталитет и политическую культуру населения Балкан. Как отмечает Н.С. Трубецкой, Русь усвоила всю «технику монгольской государственности» (17), прежде всего монгольскую «систему управления». Возникает закономерный вопрос: если система, навязываемая чужеземными завоевателями, абсолютно чужда, может ли она быть усвоена? В соответствии с концепцией сопротивления культур Ф. Броделя, чем выше давление чуждой культуры на автохтонную традиционность, тем выше сопротивление ей, тем отрицательнее результат воздействия. Русь же легко перемолола татаро-монгольскую политическую культуру, в результате чего возникла комбинированная политическая система как результат исторического синтеза культур. Монгольская государственность стала зданием, возведенным на древнеполитарном фундаменте Киевской Руси, логичным продолжением развития русской государственности. Потому так легко и была усвоена. Г.В. Вернадский писал: «Прямо или косвенно монгольское нашествие способствовало... и росту абсолютизма и крепостничества» (18).

Новации выразились в следующих чертах:

- служба князю из добровольной превратилась в обязательную. С отказом от службы человек лишался поместья;
- практика раздачи поместий закреплялась только за князем. Все свободные служилые люди стали только государевыми;
- стала стираться грань между вотчинами (распоряжением) и поместьем (пользованием);
- крепостное право было сознательно введено государством.

Так сформировалась политарная система. Русь аккумулировала монгольский сегмент, усилилась и сбросило ордынское иго.

Аналогичные процессы происходили в истории Японии, которая активно заимствовала и синтезировала китайскую культуру, формируя самоидентичность еще в VI–VII вв. В XVIII–XIX вв. Япония, модернизируясь, осваивает «голландские науки», учась у «белых чертей Запада». В итоге усвоенного опыта они не только не перестали быть японцами, а напротив, переполнились гордыней и презрением к другим (19).

В 30-е гг. XX в. началась милитаризация Японии и создание идеологии паназиатизма. Претензии на азиатское лидерство рухнули в ходе разгрома японских войск СССР. После Второй мировой войны Япония превратилась в американскую оккупационную зону. Но японцы не американизировались, более того, смогли, сохранив самоидентичность, создать экономическую супердержаву. Японский опыт свидетельствует о том, что если сохраняется ядро национального менталитета и существует объединяющая национальная идея, любые внешние новации служат лишь укреплению государства.

Во второй половине XV – XVI в. на Руси возник новый социоисторический организм. «Кончилась история Руси – началась история России – нового геосоциального организма, который почти сразу освободился от чужеземного владычества и обрел полную политическую независимость» (20). Россия, впитав, перемолов, синтезировав новации, обрела самоидентичность, сформировала эффективную политическую систему.

Самость, особость России была predetermined в том числе и годами ордынского ига. И не только по причине влияния татаро-монгольских государственных институтов на внутреннюю политику, но по тому месту и роли, которую Россия начала играть на международной арене.

Татаро-монгольское завоевание вырвало Русь из истории центрально-восточноевропейской зоны. Вернулась Россия уже как специфическая геополитическая зона, сохранив самостоятельность, закалившись в схватке, расширив территории вплоть до Тихого океана и Аляски. Именно в результате этих процессов российская историческая зона влияния превратилась в евразийскую.

В ходе реформистской деятельности Петра I в течение XVIII в. Россия превратилась в одного из важнейших игроков мировой «Великой шахматной доски». В стране через распространение и развитие мануфактур начал формироваться капитализм. Следствием его развития стала неудачная попытка со-

вершить буржуазную революцию декабристами на Сенатской площади 1825 г. Однако эффективной была социально-политическая трансформация, произошедшая в ходе реформ 60-х гг. XIX в. Финалом нового синтеза в России стало утверждение капитализма особого типа.

Широко известно методологическое подразделение мировых процессов и истории цивилизаций на центр и периферию, колонии и метрополии. Периферия обречена на догоняющее развитие, а колонии – на обслуживание метрополий. В этом смысле концепция глобализации XXI в. не вносит ничего нового. В Центре проживает «золотой миллиард» человечества, на Периферии все остальные, обязанные создавать комфортные условия существования Центра.

Отличие периферийного капитализма (а именно он и сформировался в России) состоит в том, что он возникает под чуждым влиянием, а не вследствие вызревания внутренних причин, эволюции социально-экономической системы, политических институтов. Он привнесен извне и зачастую не отвечает традиционному менталитету общества. Капитализм становится для стран периферии тупиковой ветвью эволюции и, как неандерталец, способен лишь вымереть и исчезнуть как вид.

Реакцией на периферийный капитализм и стали революции, направленные против диктата Западного центра, которые правильнее и точнее называть национально-освободительными, прокатившиеся почти одновременно в странах периферийного капитализма в начале XX в.: России (1905–1907 гг.), Иране (1905–1911 гг.), Османской империи (1908–1909 гг.), Китае (1911–1912 гг.), Мексике (1911–1917 гг.). Заключительным аккордом этих антикапиталистических выступлений (не уверен, что корректно употреблять термин «социалистическая революция»), стала Октябрьская революция 1917 г.

В результате социальных потрясений, которых так справедливо опасался П.А. Столыпин, социализм не возник, но антикапиталистическая революция, как некогда ордынское иго, вырвала Россию из международной капиталистической системы, ликвидировала вассальные отношения с Западом, построенные по схеме «опережающий центр – вечно догоняющая периферия».

Россия в модели СССР обрела самоидентичность, нашла свой путь, что и обусловило ее модернизацию и мощное, стремительное экономическое развитие в 30-е гг. XX в. В результате СССР превратился в одну из мощных индустриальных держав мира.

Россия вырвалась из объятий капиталистического протестантского центра и вновь вернулась к политаризму, потревоженному реформами Петра Великого, сопровождавшемуся мощным индустриальным прорывом на фоне запуска репрессивного сталинского механизма, обеспечившего устойчивое функционирование политарной системы. Возник неополитаризм, просуществовавший до 1985 г. и переставший быть эффективным. Ослабевшие политархи (Л.И. Брежнев, К.У. Черненко) уже не могли контролировать систему, среднеполитархи обростали частной собственностью, создавая цеха теневой экономики и обога-

тившись, требовали легитимизации своего статуса. Именно этим был подспудно вызван процесс, вошедший в историю как «перестройка». Именно будущие бюрократы-капиталисты (кабиры) привели к власти М.С. Горбачева, старательно вбивавшего гвозди в доску советского гроба.

Процесс, свершившийся в начале 1990-х гг. в России, никак не подпадает под характеристику революции. Это была контрреволюция, отказ от собственного пути, выбор в пользу периферийного капитализма. И нет ничего удивительного, что США и Запад выстраивали свои отношения с РФ в 1990-е гг. именно по принципу «метрополия – колония». Ситуация начала меняться лишь в начале 2000-х гг.

Контрреволюционная элита, захватив власть и разрушив СССР, прежде всего, присягнула на верность Западу. Вопреки расхожему мнению, именно из уст советского лидера Горбачева, а не апологетов американского мессианизма прозвучала фраза об установлении в мире «нового мирового порядка». А помощник М.С. Горбачева Г.Х. Шахназаров в 1991 г. призывал к созданию единого мирового правительства, естественно под эгидой США на базе ООН (21).

После распада Советского Союза новые российские экономисты начали столь ретиво и истово строить капиталистическую экономику под присмотром МВФ и МБРР, что их действия испугали даже американских советников. В 1991 г. к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике – Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу). Они предупреждали, что для успеха реформ в СССР надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной, государственной собственности (22) (т.е. сохранить политарную систему, внеся в нее инновации). На их письмо просто не обратили внимание.

СССР, а после 1991 г. РФ начала активно втягиваться в протестантскую экономическую модель. Сформировалась компрадорская буржуазия, осуществлявшая вертикальные связи между развитым Центром и национальной периферийной экономикой, связывающая свою судьбу не с Родиной, а с метрополией как гарантом их существования и богатства. Возникли многочисленные некоммерческие организации, транслирующие и адаптирующие западные либеральные «ценности» к российской действительности. Фактически они являлись агентами идеологии Запада и функционировали за счет финансирования из-за рубежа и при активном содействии российских компрадоров.

Прошло совсем немного времени, и капиталистические либеральные реформы привели совсем к обратному результату. С одной стороны, капитализм продемонстрировал свою хищническую сущность, выступив системой в которой «Я» стоит над «Мы», где коллектив, общинные интересы ничего не значат, где в основе успеха лежит концепция индивидуального личностного достижения. Люди стали с удивлением осознавать, что новый строй во многом несправедлив. Произошло прямое столкновение цивилизационных

моделей. Да по-другому и не могло быть. В православной модели поиск света осуществляется сообща, сама православная эсхатология нацелена на коллективное спасение. Практика взятия на поруки на советских производствах, помощи отстающим ученикам в школах была весьма «православной», понятной населению.

Кальвин и Лютер подходили к этому вопросу иначе. Спасутся избранные. Недостойные должны быть отринуты из общины.

Реформация оказала тектоническое воздействие на массовое сознание Запада, став, по сути дела, основой протестантской этики капитализма, опирающейся на эгоцентричную картину мира и жесткую конкурентную борьбу и в экономике, и в политике. Произошел разрыв протестантов, «иконоборцев», с Римской католической церковью («вавилонской блудницей»). Э. Фромм пишет: «Материнская любовь церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал одиноким перед серьезным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности» (23).

Успех Лютера во многом определялся тем, что он узаконил страх, терзающий жителя Западной Европы. Современный Запад возник на волне массового религиозного страха, охватывающего одновременно миллионы людей. Подобные явления не отмечены в культуре православия, в русских летописях. Легитимизировав страх (душа, не терзаемая страхом, добыча дьявола), Лютер его индивидуализировал. Это произошло в результате отхода от идеи религиозного братства и коллективного спасения души. Отныне каждый индивидуально имел дело с Богом. Эта вера стала личным убежищем для страха. Как отмечает С.Г. Кара-Мурза: «Произошедшая при отказе от коллективного спасения атомизация, в свою очередь, беспредельно увеличила страх и массовое озлобление» (24). Неудивительно, что главной темой гравюр Дюрера и Гольбейна становится смерть, как следствие страшных религиозных войн и массовых казней, порожденных Реформацией. Идея смерти и «страх Лютера» и сегодня пронизывают массовое сознание на Западе. Отсюда столь высока популярность триллеров, фильмов ужасов, героизирующих тему смерти и страдания.

Идеологии-антагонисты в России столкнулись, и псевдокапитализм напоролся на риф народного возмущения грабительской приватизацией, откровенным казнокрадством. Россияне увидели, что к власти пришли те, кто от нее и не отказывался. Номенклатура, партийная элита СССР легитимизировала свои доходы и накопления с помощью самопровозглашенной рыночной экономики и вновь захватила власть. Бывший советский разведчик, полковник КГБ М.П. Любимов поделился своим ликованием относительно событий 21 августа 1991 г. (неудавшегося путча ГКЧП) со своим коллегой за рубежом, бывшим царским генералом. Тот расхохотался: «Ну, вы и наивны! А еще работали в такой организации! Это был просто второй этап октябрьского грабежа. Тогда забрали собственность, но отдали в руки государства. А через 70 лет коммунисты созрели для прямого грабежа – как еще назвать

приватизацию? Кто это там у вас лепетал насчет первоначального накопления капитала? Гайдар? Ничего себе накопльнице! Одним махом, без всяких усилий превратиться в мультимиллионеров!» (25).

Но безвременье ельцинского правления закончилось. Произошли изменения в руководстве страны, и вскоре Запад уловил сигналы, свидетельствующие о том, что многое начинает меняться, и далеко не в ту сторону, в которую ему бы хотелось. Началась многоплановая и сложнейшая работа по возвращению активов в национальное достояние, по погашению внешнего долга, борьба с оттоком капитала за рубеж, и, пожалуй, самое основное и фундаментальное, что было понято руководством страны, это та непреложная истина, что спасение страны состоит в ликвидации периферийного капитализма, освобождении от зависимости от Запада, в прекращении ее эксплуатации мировым капиталистическим центром.

Произошли значительные изменения и во внешней политике РФ, точкой отсчета которых стала пресловутая Мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г. РФ снова стала претендовать на роль центра силы, тем более что многое на Великой шахматной доске с начала 2000-х гг. стало стремительно меняться, и прежде всего роль США.

Глобализация включает в себя два уровня: мировой и региональный.

Второй уровень, включающий в себя специализацию регионов в рамках всемирного разделения труда, является самым значительным. Именно этот сегмент глобализации выявляет современную роль США в экономическом развитии планеты. США выступают в роли потребителей товаров и финансов, т.е. потребляют результаты глобального процесса, фактически не внося в него (кроме включенного печатного станка) никакого позитивного вклада. Как отмечает французский историк и социолог Э. Тодд в научном бестселлере «После империи. Рах Americana – начало конца», «Строгая математическая логика показывает, что через взаимодействие на основе географической смежности глобализация в самых глубоких своих проявлениях способствует перемещению мирового экономического центра тяжести в Евразию и усиливает тенденцию к изоляции Америки» (26).

Значение Евразии осознавалось ведущими геополитиками Запада с XIX в., зачастую ее именовали «Heartland» («Сердце мира»). Сформировался постулат, тщательно поддерживаемый, в том числе и З. Бжезинским, о том, что кто владеет Сердцем мира, тот владеет миром. Мы должны быть признательны этому яркому другу России за объективную, хотя и опосредованную констатацию непреложного факта о географической изолированности США и о том, что политический центр мира (Америка) на самом деле далеко расположен от истинного центра (Евразии) (27). В 10-е гг. XXI в. колоссальное геополитическое значение Евразии дополнилось значительным усилением экономического развития континента.

Наиболее раздражающим фактором для Белого дома стало осознание этого тектонического изменения российским руководством, которое начало

активно выступать на евразийском пространстве, играя ключевую роль – лидера, являясь катализатором объединительных процессов. Итогом работы стал запуск с 01.01.2012 Евразийского экономического союза, ставшего первым шагом в евразийской интеграции. Значительную обеспокоенность вызывает у Кремля имперская, экспансионистская политика США, с проявлениями которой все труднее примириться. Россия все больше осознает свою роль в международных отношениях, выступая в качестве основного препятствия американской гегемонии.

Трансформация США привела к тому, что из страны, решающей мировые проблемы, Америка превратилась в проблему для мира. США, декларируя соблюдение прав человека и легитимности политических режимов, стали фактором международного хаоса («управляемого хаоса»), тщательно и повсеместно поддерживая напряженность, неопределенность и конфликтность. «Россия, Китай и Иран – три страны, абсолютным приоритетом которых является экономическое развитие (они давно отказались от идеологического экспорта. – С.В.), имеют сегодня лишь одну стратегическую озабоченность; противостоять провокациям Америки, не отвечать на них, более того, бороться за стабильность и порядок в мире – немыслимый 10 лет назад поворот ситуации на 180 градусов» (28).

Ряд международных экспертов отмечают, что США нуждается в создании и поддержании ситуации хронической перманентной войны. Точкой отсчета в резком изменении внешнеполитического курса стало 11 сентября 2001 г. Америка стала стремительно терять привлекательный имидж легитимного мирового лидера, империи добра. Усилилась тенденция к субъективизму, односторонности, стартовавшая еще в середине 90-х гг. Внешняя политика США, по саркастическому замечанию Э. Годда, стала напоминать «блуждающую и агрессивную походку пьяницы» (29).

В начале нашего размышления уже упоминалась концепция «конца истории» Ф. Фукуямы, в которой изложен будто бы смысл бытия человечества, стратегическое направление развития истории, заключающееся в универсализации либеральной демократии, и по большому счету, американизации мира.

В известной мере Фукуяма прав (трудно отрицать стремление народов мира к демократии), однако его рассуждения не опираются на реальное многообразие мира, этноконфессиональных отличий, различия менталитета и, как следствие, весьма дифференцированное понимание «справедливости», «добра и зла», своего места в быстро меняющемся мире.

Итак, первый тезис западных исследователей – мир стремится к демократии. Второй тезис западных политологов, в частности Майкла Дойля, сводится к невозможности войн между либеральными демократиями (30). Объединяя два тезиса, в сумме мы получаем Земной шар, пребывающий в состоянии мира навеки. Судя по основным постулатам внешнеполитической доктрины, именно в таком развитии видит свою миссию, высшую и конеч-

ную цель Вашингтон и активно продвигает ее на планете, выступая в роли доминирующего арбитра. В этом и состоит нужность Америки для мира.

Однако Э. Годд приходит к парадоксальному выводу: если демократия восторжествует повсюду, то США как военная держава, продвигающая и поддерживающая демократию, станет ненужной миру и должна будет смириться с ролью лишь одной из демократий, такой же, как и все прочие (31). Эта будущая бесполезность Америки и является ключевым фактором, позволяющим понять внешнюю политику США, стратеги и творцы которой боятся оказаться в изоляции, в одиночном плавании.

Гегемония США в некоммунистической части планеты в 1950–1990 гг. трансформировалась в мировую гегемонию после крушения СССР. Получив роль арбитра в однополярном мире, США впали от него в прямую зависимость. Лишь за 10 лет (1990–2000 гг.) внешнеторговый дефицит США вырос с 100 до 450 млрд. дол. (32). Крушение коммунизма в СССР стало парадоксальным образом началом крушения Америки, незаметно попавшей в узы зависимости от глобализирующегося мира. США виртуализировали экономику, став одним мегабрендом, ничего не производящим и во всем зависимым от мировой регионализации экономики, сохранив, правда, два могучих рычага: мировую финансовую систему, основанную на долларе, и мощную, боеспособную армию.

Сегодня можно уверенно констатировать, что США больше не могут жить за счет собственного производства. (К примеру, Исламская республика Иран может. В чем автор этих строк убедился в ходе поездки в Тегеран в апреле 2012 г.) Мир, находясь на пути стабилизации в сферах демографии, образования, демократии, открывает для себя, что может обойтись без Америки. США начинают осознавать, что они не могут больше обходиться без остальной части мира (33). Для США и Западной Европы снижение потребления означает крах действующей модели капитализма – «общества всеобщего быстрого потребления и финансовых пузырей», которая в конце 40-х гг. XX в. сменила модель государственно-монополитического капитализма.

Увеличение числа демократий демонстрирует отсутствие демократии в самих США. Демократия как форма политического устройства является живой системой и эволюционирует. Демократия прогрессирует там, где была слабой (Восток), но там, где она была сильной, она регрессирует (Запад), вырождаясь в олигархию, в олигархическую политическую систему. Парадоксально, но факт, прогресс демократии мы видим и в РФ, КНР и ИРИ. США же стремительно продвигаются по пути «азиатского (политарного) способа производства», уверенно стремясь к политической деспотии, как внутри страны, так и на международной арене. Как это стало возможным? Попробуем разобраться.

Начнем с постановки вопроса: как долго свободный конкурентный рыночный капитализм, сопровождающийся либеральной демократией, присутствовал в США? В основном, история человечества носит всемирный харак-

тер. Идеологические доктрины, всевозможные «измы» служат в целях правящих элит, пытаясь легитимизировать их право на управление.

В первой части статьи было показано, что в целом человечество двигалось по пути политаризма от древности до эпохи абсолютизма и на Востоке, и на Западе. Далее на Западе произошла социальная мутация, основанная на протестантизме, давшая на определенном этапе импульс к развитию индивидуализма, персонального достижения, приведшая к формированию нового способа производства. Учитывая фактор мутации, случайности, рано или поздно и на Западе, и на Востоке (где сформировался периферийный капитализм) все должно было вернуться на круги своя. В России это случилось в 1917 г. и выразилось в виде индустрополитаризма Сталина, на Западе также произошел процесс реставрации политаризма в 30-е гг. XX в., берущий истоки в последней трети XIX в., времени возникновения государственно-монополистического капитализма.

Срачивание монополий с государством неизбежно объединило всех представителей господствующего класса в единый организм, логическим завершением процесса должно было стать появление политарного общества индустриального типа (34). Модель государственно-монополитического капитализма, в свою очередь, сменила модель свободной рыночной экономики, которая также просуществовала около 60 лет и завершилась гигантским финансовым коллапсом на Венской фондовой бирже в 1873 г. За крахом последовал пятилетний мировой кризис, который экономист Э. Хансен назвал великой депрессией XIX в. (35). Из этой депрессии капитализм вышел в уже обновленной версии ГМК.

Катализатором трансформации капитализма в индустрополитаризм послужила «Великая депрессия», охватившая в 1929 г. весь капиталистический мир. Общий системный кризис возвестил о конце мутации, свидетельствовал о том, что продолжение рыночного эксперимента может привести к полному социально-экономическому коллапсу. (Запад, как видим, осознал это уже в 1929 г., но злорадно призывал Россию в начале 1990-х гг. наступить на те же грабли).

Полная свобода рынка стала опасной, а невиданные темпы развития сталинского СССР наглядно демонстрировали плюсы плановой, регулируемой экономики. Произошла невероятная метаморфоза. На какое-то время центр и периферия поменялись местами. Запад выходил из кризиса двумя путями. Очевидность государственного регулирования и конца свободного рынка была теоретически обоснована в трудах Дж.М. Кейнса и практически воплощена в «Новом курсе» Ф.Д. Рузвельта. Возник симбиоз капитализма и социализма, по существу являвшегося мягкой формой политарного способа производства.

Другим путем пошли Италия и Германия, создав тоталитарную экономику политаризма, акцентом которой стали жесткое подавление инакомыслия, милитаризация общества, стремление к мировой гегемонии. Финал пе-

чально известен. «Тысячелетний» Третий Рейх просуществовал всего лишь 12 лет. После сообщения о смерти А. Гитлера И.В. Сталин лаконично резюмировал: «Доигрался, подлец!»

США, базируясь на фундаменте, заложенном Рузвельтом, двинулись далее, закономерно повторяя типологизацию эволюции политических систем, осуществленную Аристотелем, где неизбежно за демократической фазой следовала олигархическая. Американское общество превращается в конце XX в. – начале XXI в. в систему неравноправного господства, в котором демократия чахнет.

Первое системное описание нового американского правящего класса (субполитархов) – «надкласса» (the overclass) мы находим в работе М. Линда «Грядущая американская нация» (36). Элитизм и популизм приводит к тому, что создается общество «высшей вульгаты» (20%), манипулирующей общественным мнением в своих интересах.

Процесс, стартовавший в конце 1940-х гг., получил в наши дни логическое завершение. Мы становимся свидетелями угасания, финала «общества потребления». Привлекательная в 50–70-е гг. XX в. идеологическая обертка общества равных возможностей и безграничного потребления тускнеет и меркнет. Это последние конвульсии модели Римской империи современности, обеспечивающей гражданам «хлеб и зрелища» – за счет неравноправного обмена с периферией, захвата и освоения ресурсов в новых колониях за счет ведения перманентной империалистической войны.

Демократия современного Запада может быть изложена в сжатой формулировке: избирательный процесс не имеет никакого практического значения, а процент воздержавшихся постоянно растет. Жесткой критике подверг либеральную демократию, как синоним фарса и диктатуры, еще в конце 1970-х гг. ливийский лидер М. Каддафи, вызвав истерику в Госдепе. Таких пассажей Запад не прощает.

Тенденции, выявленные в конце XX в. – начале XXI в., исподволь формировались и вызревали столетиями.

Г. Лебон еще в начале XX в. отмечал: «Ряд фактов... совершенно четко показывают общую ориентацию в Европе на деспотические формы правления» (37).

Вектор на демократизацию и глобализацию направлен, прежде всего, на демократизацию образа жизни западного человека: «демократизируются автомобили, досуг, средства массовой информации» (38). Высокая элитарная культура подменяется массовым культурным ширпотребом. Однако в политической сфере абсолютно очевидным становится формирование демократического деспотизма. С. Московичи осуществил весьма глубокое и детальное изучение явлений, названных им «восточным деспотизмом» и «западным деспотизмом».

«Восточный деспотизм» он видит в императорском Китае и фараоновском Египте. Опираясь на известный тезис о значении ирригационных работ

на Востоке (Монтескье, Маркс, Виттфогель и др.), он видит в нем основу социального неравенства. Вершиной строго иерархизированного общества, освященной традицией и религией, выступал непреложный властелин, деспот, требовавший абсолютного повиновения (или политарх, согласно Ю.И. Семенову). Власть была сконцентрирована в личности лидера.

Московичи полагают, что такая пирамида власти свойственна не только Азии. Переносясь через тысячелетия, в современное общество, мы увидим веские причины говорить о западном деспотизме. Общество на Западе прежде всего ценит права человека, сжато выраженные в равенстве возможностей и обеспечении стабильности; при этом понятие «свобода» является вторичным для западного менталитета. Шатобриан уловил эту особенность: «Повседневный опыт заставляет признать, что французы бесспорно устремляются к власти, они нисколько не дорожат свободой, их идол – равенство. Между тем, равенство и деспотизм соединены тайными узами» (39). Неудачно сбалансированное правительство – прямой путь к анархии. Именно поэтому необходим эффективный лидер, наделенный широкими полномочиями. «Нестабильность массового общества следует из неустранимого требования равенства и неверного использования свободы. Есть два возможных пути помочь этому... передать власть в руки одного лица или... не передать власть в руки какой-то личности, а доверить ее своего рода анонимной директории... Тем самым достигается точно такой отказ от свободы...» (40).

В ходе исследования С. Московичи приходит к разграничению «восточного» и «западного» деспотизма. Первый отвечает, прежде всего, экономической необходимости, освоению трудовых мощностей, второй – политической необходимости и предполагает захват орудий влияния и внушения, т.е. СМИ, манипулирующих сознанием и предлагающих глобальному миру тотальную диктатуру в демократической упаковке. В этом суть современной политической системы США, Запада, международной транснациональной элиты.

Итак, объективный анализ демонстрирует нам империю, пытающуюся господствовать над миром, навязывающую экспорт демократии другим демократическим режимам, при этом утратившую демократические ценности и переродившуюся в олигархическую деспотию.

Что же необходимо для торжества демократии во всемирном масштабе? И что такое демократия? М. Монтень писал, что лучшей формой государственного устройства страны является та, к которой она привыкла. Это и есть демократия – выбор национальным государствам наиболее эффективной и соответствующей базовым ментальным ценностям модели.

1. Признание наличия в мире многообразия ценностных установок, его поликультурности, полиэтничности и поликонфессиональности.

2. Прекращение использования политики «двойных стандартов».

3. Признание наличия в мире разных версий демократии.

Если свершится констатация ряда непреложных исторических фактов, что, к примеру, новгородское вече являлось основой демократического меха-

низма Новгородской республики, а Иран – не страна-изгой, не теократия тиранического типа, а другая, иная, исламская модель демократического развития (в стране многопартийная система, свобода прессы, исламские ортодоксы часто заявляют, что демократия в принципе исламское изобретение, еще в VII в. должность халифа была выборной), то ИРИ перестанет быть страной-мишенью и войдет в цивилизованный мир. Уникальной политической системой была джамахирийская модель в Ливии. Она демонстрировала «третьему миру» альтернативный и эффективный успешный путь развития. Каддафи этого не простили. По демократическому пути продвигаются КНР и Россия, тем не менее Запад упорно именуется их тираниями. А сенатор Маккейн ехидно замечает, что «Арабская весна» стучится в ворота и России, и Китая.

Почему так? Почему не происходит переоценка ценностей? Причина очевидна и лежит на поверхности. Признание этого непреложного факта, поливариантности демократического развития неизбежно ставит Америку перед проблемой ее ненужности миру. А коль скоро так, то раз нет подряда, то нет и подрядчика.

P.S. Некоторые мысли о главном. В поисках обретения себя важно осознавать единство всемирно исторического процесса, понимание общих закономерностей развития и Запада, и Востока, и России. РФ не должна стремиться к возврату в «цивилизованный мир», потому что она из него никогда и не выпадала.

Каковы же компоненты эмпирического правила для поиска РФ своего предназначения, обретения смысла? Время подвести итоги.

1. Основные усилия должны быть направлены на то, чтобы разбудить гражданское сознание, всколыхнуть коллективную историческую память, внятно сформулировать конечную цель пути – национальные приоритеты и интересы. Показать россиянам, что их объединяет и к чему надо стремиться в краткосрочной и долгосрочной перспективе, в чем состоит их общность. Это и есть национальная идея.

2. Необходимо сформировать ценностные категории и систему мировоззренческих координат для российского общества.

3. Россия должна сформулировать свою современную аутентичную модель культуры, образования и ментальных установок, основную на сплаве традиции и современности. Гражданам РФ необходимо «вернуть» целостное восприятие мира, уничтоженное реформами в образовании за последние 20 лет. Классическое школьное и университетское образование должно быть направлено не на дискретность, отрывочные знания, а на формирование комплексной картины мира, умение мыслить, устанавливать причинно-следственные связи. Это и будет надежной защитой от манипуляций массовым сознанием и технологий информационно-психологических войн.

4. РФ в развитии нужно отказаться от западоцентричности, перестать быть вечно догоняющей периферией, вырваться из процесса глобализации с целью создания эффективной российской социально-экономической модели,

дать миру новые смыслы, как в экономике, так и в политике, с тем, чтобы с наработанным потенциалом вновь влиться в глобальную экономику в роли одного из центров развития. Это позволит изменить отношения по типу вассал–сюзерен; центр–периферия.

5. Уверенно продвигаться по пути евразийской интеграции.

6. И, наконец, последнее обстоятельство. Создание и продвижение новых смыслов, да и в целом будущее развитие и место в мире РФ зависит от того, насколько руководство РФ сможет, развивая национальные приоритеты, сделать Россию полезной, необходимой и привлекательной для глобального мира. Исторический опыт имеется. После Второй мировой войны социально-экономическая модель СССР и идеология советского государства были весьма популярны, действенны и создавали СССР весьма притягательный образ.

Развивая и модернизируя экономику РФ, вовлекая страны Европы и Азии в тесную интеграцию, мы сможем доказать нашу нужность миру не только нефтегазовой трубой, но и наполнить его новыми справедливыми смыслами, современными ориентирами, признанием многообразия и единства мира, его многополярности, наличия нескольких цивилизационных политических и финансовых центров силы.

Мир, безусловно, будет глобальным. С этой тенденцией бессмысленно и бесперспективно спорить. Однако это произойдет только при условии сохранения и уважения национальных различий. Истинная мультикультурность и толерантность состоит не в глобализации под эгидой государства-монополиста, а в формировании глобальной картины мира, основанной на равных правах и возможностях каждого в гетерогенной планетарной мозаике. Может быть, это и есть демократия для всех?

В этой связи необходимо выстроить надежный заслон идеологии «либерализма», основанной на уничтожении духовных традиционных ценностей и подмене их «общечеловеческими ценностями цивилизованного мира».

Главная стратегическая задача РФ сегодня состоит в защите национального суверенитета, в отстаивании свободы и независимости. Сегодня эта задача стоит с той же актуальностью, что и в годы Великой Отечественной войны. Следует осознать, что приоритет развития не в интеграции в чужие системы, а в создании и развитии собственных.

Расплывчатость национальных интересов, отсутствие понятной социально-экономической модели ведет к ущербности и конспиративности внешнеполитического имиджа России. РФ должна стать стабильным социально-экономическим организмом с ясной и вербализированной идеологией, опирающейся на поддержку и интересы граждан страны. Нужны коллективные усилия, ведущие к повышению уровня исторических амбиций, следует уйти от ощущения собственной второстепенности и провинциально-периферийного сознания.

Россия обязана воспользоваться уникальным историческим шансом, заключающемся в ослаблении и деградации центра и массовым разочаровани-

ем в российском и мировом сообществе в справедливости претензий Запада на роль авангарда мирового развития. Образно говоря, нужно выйти из прицепного вагона и реализовать исторический шанс, став локомотивом геополитических экономических процессов.

Необходимо скрупулезно разработать и предложить миру альтернативный исторический проект, самостоятельный цивилизационный феномен, ставящий масштабные цели. Занимаясь решением конкретных и прагматичных задач, можно достичь успеха в тактике, но не в стратегии. В контексте интеграционных процессов и создания новых центров силы следует переломить общую тенденцию, предложив и гражданам страны и мировому сообществу цивилизационный проект, основанный на учете национальных и глобальных интересов.

Тенденция к изменению мировой архитектуры очевидна, необходимо воспользоваться текущей конъюнктурой и приложить усилия к тому, чтобы Россия стала новым геополитическим, экономическим полюсом. Россия может и должна сформулировать миру новые смыслы, меры по коренному реформированию мировой экономики и международных отношений.

Прообраз будущей мировой конфигурации, стремящейся от однополярности к многополярности, заложен, например, в БРИКС – союзе пяти цивилизаций (следуя логике Хантингтона), в котором представлены все культурно-исторические типы: евразийский Север (Россия), азиатский Восток (Индия и Китай), африканский Юг (ЮАР) и дальний Запад (Бразилия).

Прообраз есть, надо действовать...

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Тойнби А.Д. Постигание истории. – М., 2010. – С. 113.
- (2) Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – М., 2009. – С. 5.
- (3) Moscow News. – September, 29. – 1991.
- (4) Тойнби А.Д. Указ. соч. – С. 7.
- (5) Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 6.
- (6) Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2010. – С. 241.
- (7) Воронин С.А. Ключ к восточному небу (методологические аспекты дискуссии о социально-экономическом строе стран Востока) // Восток–Запад: приоритеты эпох. – М., 2012. – С. 278–287.
- (8) The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court, of Great Mogul, 1615–1619. – London, 1926. – P. 89.
- (9) Семенов Ю.И. Политарный («Азиатский») способ производства. – М., 2011. – С. 302.
- (10) Там же. – С. 303–304.
- (11) Там же. – С. 325.
- (12) Делюмо Ж. Ужасы на Западе. – М., 1994. – С. 352.
- (13) Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814. – М., 2006. – С. 38.
- (14) Янов А.Л. «Откуда в самодержавной России взялся Герцен?» // Знание – сила. – 2009. – № 3. – С. 93.

- (15) Семенов Ю.И. Указ. соч. – С. 324.
- (16) Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Л., 1979. – С. 324.
- (17) Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 225–226.
- (18) Вернадский Г.В. Империя России. Монголы и Русь. – М., 1997. – С. 5.
- (19) Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Указ. соч. – С. 39–40.
- (20) Семенов Ю.И. Указ. соч. – С. 268.
- (21) Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Указ. соч. – С. 10.
- (22) Грей Дж. Поминки по просвещению. – М., 2003. – С. 13.
- (23) Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 2009. – С. 117.
- (24) Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. – С. 219–220.
- (25) Любимов М.П. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. – М., 1998. – С. 357.
- (26) Тодд Э. После империи. Рах Америгана – начало конца. – М., 2004. – С. 210.
- (27) Бжезинский З. «Великая шахматная доска». – М., 1998. – С. 13.
- (28) Тодд Э. Указ. соч. – С. 8.
- (29) Там же. – С. 14.
- (30) Doyle M. Kant, Liberal Legacies & Foreign Policy // *Philosophy & Public Affairs*. – 1983. – № 12. – P. 205–235.
- (31) Тодд Э. Указ. соч. – С. 19–20.
- (32) Там же.
- (33) Тодд Э. Указ. соч. – С. 23.
- (34) См. подробнее: Семенов Ю.И. Указ. соч. – С. 328–330.
- (35) Подробнее см.: Березин И. Геостратегическая дымовая завеса // *Однако*. – 04.06.2012. – № 17. – С. 32–39.
- (36) Lind M. The Next American Nation. The Nationalist and the Fourth American Revolution. – N.Y., 1995.
- (37) Le Bon G. La psychologie politique. – P., 1910. – P. 117.
- (38) Московичи С. Век толп. – М., 1996. – С. 69–70.
- (39) Цит. по: *Canneti E. Masse et puissance*. – P., 1966. – P. 19.
- (40) Московичи С. Указ. соч. – С. 72.

RUSSIA: ASIA OR EUROPE? CIVILIZATIONAL MODEL IN SEARCH OF FINDING MEANING

S. Voronin

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to finding self-identity of the Russian state. The author reflects on the relationship between the concepts despotism and democracy in historical perspective today. He tries to answer the question with any political model of Western or Eastern identifies the future of Russia.

Key words: Russia, Oriental despotism, democracy, Asia, politarh.